

ДЕТИ-ИГРУШКИ В ТЕКСТАХ Э. ЕЛИНЕК 1970-1980Х годов

CHILDREN-TOYS IN THE PROSE OF ELFRIEDE JELINEK OF THE 1970-80s

I. Sivolobova

Annotation

The article delves into the poetics of childhood in the prose of Elfriede Jelinek of the 1970–80s. It is established that Jelinek develops a special "anti-child" language, in which childhood loses its importance and value. Jelinek destroys the myth of happy childhood and joyful motherhood through the image of children-toys: children lose personal qualities and individual traits and become tools of social recognition, mercantile goals achievement and a means to fulfill their parents' ambitions.

Keywords: E. Jelinek, Austrian literature, childhood, children-toys, code, discourse, social infantilism.

Сиволобова Ирина Андреевна
Аспирант,
Тюменский государственный
университет

Аннотация

В статье рассматривается поэтика детства в прозе Эльфриды Елинек 1970–1980 годов. Устанавливается, что Елинек вырабатывает особый "антидетский" язык, в рамках которого детство теряет значимость и ценность. Елинек разрушает миф о счастливом детстве и радостном материнстве через образ детей-игрушек: дети утрачивают личностные качества и индивидуальные черты, и становятся инструментами социального признания, достижения меркантильных целей и средством реализации амбиций своих родителей.

Ключевые слова:

Э. Елинек, австрийская литература, детство, дети-игрушки, код, дискурс, социальный инфантилизм.

В последние годы в отечественном литературоведении актуализируется интерес к тематике детства. В рамках проекта "Вымыслы о детстве и для детей" выходит сборник "Детство в англо-американском литературном сознании XVII–XX веков" (2016), куда вошли статьи, посвященные двум национальным традициям, занимающим принципиально важное место в развитии литературной философии детства и детской литературы" [4: 3 стр.].

В 2017 г. также под эгидой проектов ИМЛИ РАН прошла конференция "Феномен детства" в немецкоязычных литературах: культурная идентичность и динамика художественного процесса" (Москва), которая обозначила, во-первых, актуальность данной проблематики, а во-вторых, необходимость заполнения лакун в исследовании детства в отечественной германистике.

В связи с этим мы обращаемся к текстам Эльфриды Елинек как знакового для австрийской литературы автора, остро "реагирующ[его] на современность" [1: эл.источник.]. В центре внимания – прозаические тексты Елинек 1970–1980 годов: "Любовницы" ("Die Liebhaberinnen", 1975), "Перед закрытой дверью" ("Die Ausgesperrten", 1980), "Пианистка" ("Die Klavierspielerinnen" 1983), "Похоть" ("Lust" 1989).

Выбор текстов обусловлен тем, что в произведениях этого этапа наиболее ярко выражен эстетический прин-

цип Елинек – разрушение в "духе Ролана Барта" [2: 406 стр.] тривиальных мифов о счастливом материнстве, любящей семье и радостном детстве. Миф и метод его разрушения является важным направлением исследования текстов Елинек. В отечественном литературоведении этому посвящены работы Г.В. Кучумовой и диссертация Т.В. Акашевой, в зарубежном – труды М. Янц, П. Янке и др.

Обратимся к текстам. В романе "Любовницы" (1975) рассказана история двух героинь: городской девушки Бригитты и деревенской Паулы. Две истории развиваются параллельно, независимо друг от друга, и единственным связующим их звеном является швейная фабрика. Бригитта покидает фабрику, выйдя замуж и переложив на мужа ответственность за обеспечение семьи, а Паула, которую из семьи выгнали, в конце романа начинает работать на фабрике. Таким образом, роман начинается и заканчивается на фабрике, что создаёт кольцевую схему повествования, которая символизирует детерминированность быта героев. Фабрика и лес – ключевые локусы романа "Любовницы" – "потребляют" своих работников. "Фабрика радуется, когда в ее ворота вливаются веселые люди, ведь у них производительность выше, чем у людей невеселых" [6:48 стр.]. Г.В. Кучумова характеризует мир произведений Елинек как "сферу тотального потребления, в которой всё, от предмета до межличностных отношений, "профанируется", "приобретает свойство потребляемой вещи" [9:498

стр.]. "Экономическая" модель взаимоотношений переносится на семейную жизнь – взрослые, в свою очередь, в качестве рабочей силы "потребляют" детей. Отсюда возникает особый дискурс, из которого исключено понимание ребенка как личности: "...потом ему навешивают оплеух, навьючивают на него хозяйственные сумки, подрезают косами во время заготовки сена, давят автомобилями, а бывает, что ребенок свалится в горный ручей, прямо в руки к перепившемуся отцу или угодит под рассыпавшуюся поленницу, а то и в лапы какого-нибудь сумасшедшего насильника" [6:157 стр.], и детства как ценности: "Иногда дети делают слабые попытки затеять игру, тогда их мгновенно хватают за шиворот, задают на орехи и награждают пинками, а потом суют в руки рюкзак и отправляют в лавку за кормом для скотины. За солью и комбикормом" [6:157 стр.].

А.В. Белобратов сравнивает художественный мир "Любовниц" с "бесконечной машиной" составляющие которой – "работа-потребление-телевизионных-картинок, потребление-алкоголя-минимальный-отдых-борьба-в-семье (кто главный в системе патриархальных структур) и т. д." [1: эл. ресурс]. Жернова этой машины смазывает агрессия и ненависть – неотъемлемые составляющие семейных отношений, ребенок здесь становится пиньтой, своеобразной игрушкой для битва. "Видит отец: у него, кроме жены, есть еще одна жертва, которую он вправе колотить и обзывать. Тельце у ребенка такое податливое, жаль только, что небольшое" [6:156ч].

Для Бригитты ребенок "[с]трашненький, голенький, бело-розовый червячок-сосунок" [6:81 стр.], – инструмент достижения главной цели – замужества, означающего экономическую стабильность. Для Паулы дети – часть ее мечты "свить собственное гнездышко" [6: 273 стр.] мифа, рожденного клишированным сознанием: "детки в разноцветных платьицах, и цветы в горшочках, и телевизор, и искусственные цветы в вазе под хрусталь, и прозрачные занавески из искусственного волокна, и немнущаяся ткань" [6:86 стр.].

Еще один пример внедрения экономической модели в семейные взаимоотношения – роман "Похоть". Сын директора бумажной фабрики – "цветная копия своего отца" – "распоряжается другими детьми" ровно так же, как распоряжается своими рабочими его отец. "Сына не радуют причитания матери – он кланчит себе новый подарок. Подобные сделки по поводу игрушек или спортивного инвентаря – это их способ общения" [7:24 стр.]. Властный дискурс экономики настолько вытесняет человеческие взаимоотношения, что мать в конце романа убивает своего ребенка и избавляется от тела, как ненужной вещи.

В романе Р. Брэдбери "Вино из одуванчиков" – гимне счастливого детства, – по мнению А.В. Хлыстовой, через

"гипнотическую речь" достигается суггестивный эффект, при котором читатель максимально приближается к сознанию ребенка [11:195 стр.]. Образ детского восприятия мира становится центральнообразующим для поэтики произведения: язык ребенка формирует дискурс романа, а все сюжетные линии аккумулируются вокруг образа главного героя.

В дискурсе Елинек наблюдается противоположная тенденция – голос ребенка вообще изъят, исключен из общей полифонии. Показателен эпизод из первой драмы Елинек "Что случилось после того, как Нора оставила мужа, или Столпы общества" (1977), в котором главная героиня грубо затыкает "голосочки" ("Kinderstimmchen") собственных детей, чтобы послушать экономические новости: "Kinder still. Helmer dreht das Radio auf" [13:76 стр.].

М. Янц отмечает особое значение интертекста для структуры романа. Цитирование происходит на уровне жанра (роман имитирует роман воспитания), персонажей (Райнер Мария Витковски как Райнер Мария Рильке, и Ханс Зепп также "музилевское имя"), названия (отсылка к немецкому варианту ("Die Eingeschlossenen") названия пьесы Сартра "Затворники Альтоны" "Les sequestres d'Altona" (1959)) [12:38,39 стр.].

Подростки, как и роман, по сути, не имеют собственного языка. "Лексикон" подростков – это компиляция языка агрессии и фашизма, который они впитывают от своего отца – бывшего надсмотрщика в Аушвице – и дискурса французских экзистенциалистов, которых читают. Важным мотивом в этом контексте является "молчание" – Анна Витковски периодически переживает приступы немоты. На уроке немецкого гимназисты читают произведение австрийского классика А. Штифтера, которое носит дидактический характер и адресовано молодому поколению ("Spieleereien für junge Herzen") [14:8 стр.]. Близнецы Витковски реагируют на текст отрицательно и агрессивно – это тоже своеобразный символ неприятия "своего" языка. – Я этого Адальберта Штифтера ни секунды больше не выдержу, право слово, – говорит Анна" [5:75 стр.].

Тем не менее язык детства в текстах присутствует, но в извращенной форме – через него вербализируется проблематика социального инфантилизма, характеризующая безответственное поведение взрослых. Герой романа "Любовницы" Эрих несамостоятелен в принятии решений, им всегда руководит либо общественное мнение, либо его властная мать. Например, решение о женитьбе Эриха и Паулы – это, по сути, договор паулиной "тети-горожанки" и "Эриховой мамыши". "Городская тетка совсем по-городскому просит Эрихову мамашу не разрушать счастья двух юных сердец. Тетка свободно владеет сентиментальным жаргоном журнальных рас-

сказиков о любви"/"Эрих тупо соглашается, ему на все плевать" [6:231 стр.].

Эрих не смог получить права на вождение автомобиля, и поэтому во время путешествия в Италию на автомобиле "играет в шофера": "Эрих почти всю дорогу урчал, подражая звукам мотора" [6: 262 стр.].

Отношение Эриха к собственным детям можно охарактеризовать как "незрелое". Сложный комплекс чувств родительской любви у Эриха ограничивается симпатией и умилением, а родительские функции – приобретением мороженого. "Эриху ребенок нравится"/"Он им [детям] частенько покупает мороженое. Они ведь так умилительно говорят: "Ну пожалуйста, папочка!" [6: 134 стр., 261 стр.]."

Еще один пример инфантильного взрослого – Эрика Кохут, главная героиня романа "Пианистка", тридцатилетняя учительница музыки, находящаяся под сильным влиянием властной матери. Г.В. Кучумова отмечает: "Холодная" мать (die kalte Mutter) постоянно контролирует приватное пространство своей дочери, неотступно держит её в поле зрения, чтобы та не ускользнула из-под её власти" [8:180 стр.]. Мать Эрики реализует через неё свои финансовые и творческие амбиции. "Все сделают

точно по желанию заказчика. Кто платит, тот и заказывает музыку. Мать получает мизерную пенсию, ей и заказывать, а Эрике – платить" [8:24 стр.]. Образ Эрики при этом срастается с образом музыкального инструмента: "Мать заботится, чтобы инструмент пребывал в хорошем настроении, она потуже закручивает колки на дочери, не слишком заботясь о настроении ребенка, а тревожась только о материнском влиянии на этот строптивый, легко ранимый, живой инструмент". [8:37 стр.].

Г.И. Данилина, анализируя тексты немецкоязычных писательниц И.Бахман, А. Вальзер, Э.Елинек и Г.Мюллер, обнаруживает, что "женское письмо" характеризует наличие большого количества кодов, связанных с невозможностью "прямого" отражения реальности: "...я" автора должно высказываться, не явно, а имплицитно – чтобы донести свою "весть", "вестник" (обозначение авторского "я" у Елинек) нуждается в особом эстетическом коде". [3: 151,152 стр.]

Через коды насилия, агрессии, фашизма, экономики создается "антидетский" дискурс, лишаящий ребенка центральной позиции, а само детство – какой-либо значимости. Ребенок становится игрушкой – молчаливой, ненужной, обесценившейся вещью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белобратов А.В. Интервью. Новое время, № 4, 2005. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://noblit.ru/node/1369>. Дата обращения – 5.04.2018
2. Белобратов А.В. "Я ловлю язык на слове интервью с Э.Елинек. Смысл безразличен. Тело бесцельно. Эссе и речи о литературе, искусстве, театре, моде и о себе / Пер. с нем.; сост. И послесл. А.Белобратова. – СПб.: "Симпозиум", 2010. – 464 с.
3. Данилина Г.И. "Das Ich ohne Gewähr": эстетические коды "женского письма" // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. – Т. 8. М., 2011. – С. 146–154.
4. Детство в англо-американском литературном сознании XVII–XX веков / отв. ред. М. Надъярных, А. Уракова. М.: ИМЛИ РАН, 2016.
5. Елинек Э. Перед закрытой дверью: роман / Э. Елинек; пер. с нем. И. Ланина под ред. А. Белобратова. СПб., 2004. 382 с.
6. Елинек Э. Любовницы: роман / Э. Елинек; пер. с нем. А. Белобратова. – СПб.: Symposium, 2007. – 282 с.
7. Елинек Э. Похоть: роман / Э. Елинек; пер. с нем. А. Белобратова. – СПб.: Symposium, 2007. – 320 с.
8. Елинек, Э. Пианистка : роман / Э. Елинек ; пер. с нем. А. Белобратова. – СПб. : Симпозиум, 2006. – 448 с.
9. Кучумова Г.В. "Подрывная" стратегия разрушения мифов в романах Елинек // Известия самарского научного центра российской академии наук. Т. 11. Вып.2 (4). – Самара, 2009. – С. 497–503.
10. Кучумова Г.В. Гендерные координаты австрийского романа 1980–2000 гг. Гендерная проблематика в современной литературе: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. Литературоведения; Ред-кол.: Пахсарьян Н.Т. (отв. ред. и сост.), Соколова Е.В. (сост.) и др. – М., 2010. – 216 с. – (Сер.: Теория и история литературоведения).
11. Хлыстова А.В., Сорокина А.И. "Лето На Языке": Образ Детства В Романах Р. Бредбери "Вино Из Одуванчиков". Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39): в 2-х ч. Ч. I. С. 195–197.
12. Janz M. Mythendestruktion und "Wissen". Aspekte der Intertextualität in Elfriede Jelineks Roman "Die Ausgesperrten" // Text + Kritik. Zeitschrift für Literatur. H. 117., 1993. – S. 38–50.
13. Jelinek E. Was geschah nachdem Nora ihren Mann verlassen hatte oder Stürzen der Gesellschaften. Theaterstücke. Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2015. S. 7–78.
14. Stifter A. Vorrede. Bunte Steine. Erzählungen Goldmann Verlag. Auflage 3 1989, S. 7–14.